

Берег Маклая 140 лет спустя (Фигура ученого и трансформация культуры папуасов)

Аннотация. В статье дается обзор трансформации языка и мифологических представлений папуасов Берега Маклая после отъезда ученого. Краткая характеристика этнического состава региона позволяет несколько иначе взглянуть на культурные процессы, происходившие с 1890-х по 2010-е гг. Приводятся несколько преданий, связанных с пребыванием в заливе Астролябии русского ученого, а также советских экспедиций «по следам Н. Н. Миклухо-Маклая» в 1971 и 1977 гг. Анализируются русские заимствования в языках Берега Маклая, исключаются ложные факты заимствований. Образ ученого в мифологических преданиях значительно изменился на протяжении XX в.: в 1900–1930-е гг. он выступает как культурный герой, в 1940–1970-е – как отправитель карго-богатств, в 1980–2010-х гг. обретает черты реального человека, кооперируется с папуасами Бонгу. Образ Н. Н. Миклухо-Маклая сравнивается с образом немецкого миссионера Августа Ханке, в течение 30 лет жившего в Бонгу. Автор приходит к выводу, что все виды преданий содержат мало исторических фактов и подчинены законам развития мифологических текстов. Научная новизна исследования заключается во введении в научный оборот и сравнении материалов из архивов Германии (Вупперталь), отечественных полевых исследований 1970-х годов и собственных полевых материалов автора 2010 года. В статье обосновывается необходимость дальнейшего изучения наследия русского ученого в культуре папуасов Берега Маклая.

Ключевые слова: австронезийцы, аккультурация, Берег Маклая, географические предания, карго-культ, Н.Н. Миклухо-Маклай, мифология, Маданг, Папуа – Новая Гвинея, Август Ханке.

Annotation. The article presents an overview of the transformations in the language and mythological notions of the Papuans on the Maclay shore after the departure of the scientist. A short description of the region's ethnic composition permits to take a different look at the cultural processes happening there from the 1890s to the 2010s. The authors cite several legends connected with the appearance of the Russian scientist in the Astrolabe bay, and also of the soviet expeditions "in the footsteps of N. N. Miklouho-Maclay" of 1971 and 1977. They analyse as well the Russian-language adoptions in the Maclay shore languages, while eliminating existing false assumptions of borrowing. The figure of the scientist in mythological folktales significantly altered during the course of the 20th century: in the 1900–1930s he appeared as a cultural hero, in the 1940–1970s – as the transmitter of cargo-treasures, in the 1980–2010s he attains the characteristics of a real person, cooperating with the Bongu Papuans. The article compares the figure of N. N. Miklouho-Maclay with that of Augustus Hanke, who had lived in Bongu for 30 years. The authors come to the conclusion that all of the pertinent legendary tales contain little historical facts and are subjected to the general evolutionary laws of mythological texts. It is therefore necessary to continue the study of the heritage of the Russian scientist in the Papuan culture of the Maclay shore.

Key words: Austronesians, acculturation, Maclay shore, geographical legends, cargo cults, N. N. Miklouho-Maclay, mythology, Madang, Papua – New Guinea, Augustus Hanke.

Данное сообщение основывается на материалах, собранных во время поездки в мае 2010 года в деревню Бонгу (провинция Маданг Папуа – Новой Гвинеи). В ходе этой поездки ее участники – аспирант кафедры этнографии А. А. Винецкая и ассистент той же кафедры А. В. Туторский собрали несколько преданий о Н. Н. Миклухо-Маклае, а также о миссионере лютеранской

евангелической миссии в Бонгу Августе Ханке и местном пророке Яли, получившем широкую известность даже за рамками сообщества этнографов (антропологов) благодаря книгам Джаред Даймонда.

Эта поездка, безусловно, не претендует на звание полноценной научной экспедиции, поскольку ее продолжительность – всего пять дней. Отсутствие у нас глубокого знания местно-

го языка, а также тот факт, что это была наша первая поездка в регион, не позволяли провести значительных научных исследований. Вместе с тем мы намеревались выяснить сохранность преданий о Н. Н. Миклухо-Маклае, а также хотели записать предания о двух советских экспедициях на Берег Маклая, проведенных в 1971 и 1977 гг. Собранные нами материалы значительно изменили наш подход к теме. В процессе сбора материалов оказалось, что «легенды о Маклае» не существуют в законченном виде, а трансформируются. Трансформируются они в XXI в., существенно менялись в начале XX в. и в середине его. В 2012 г. для дополнения полевого материала одним из авторов (А. В. Титорским) была проведена работа в Архиве объединенной лютеранской миссии в городе Вупперталь (Германия), во время которой были получены новые «предания о Маклае» образца 1890-х и 1930-х гг. Все материалы позволяют восстановить процессы трансформации культуры бонгуанцев и, в частности, преданий о нем на протяжении 120 лет – с 1890 по 2010 г.

Австронезийцы Берега Маклая

Мы прилетели в Маданг самолетом в субботу 22 мая. Чтобы перебраться в Бонгу из Маданга, надо преодолеть примерно 45–50 км по грунтовым дорогам или около 15 км напрямую – морем – через залив Астролябия, мимо острова Били-Били. Цены на аренду внедорожников и «катеров для туристов» были чрезвычайно высокими, поэтому мы решили воспользоваться услугами местных жителей. Однако лодка из Бонгу должна была прийти к рыночному причалу только в понедельник 24 мая, поэтому мы решили провести день в Маданге. Как оказалось позже, это решение было неправильным – тем самым мы лишили себя возможности увидеть Били-Били. Дело в том, что в шести километрах от Маданга расположено селение Били-Били, жители которого были переселены немецкой колониальной администрацией с одноименного острова после восстания. В 1904 г. обитатели острова Сиар, расположенного к северу от Маданга и входящего в архипелаг Довольных людей (по номенклатуре Н. Н. Миклухо-Маклая), подготовили восстание против немецкой колониальной администрации. Однако буквально за несколько часов до его начала один из заговорщиков рассказал о готовящемся нападении немцам, и восстание было подавлено. Основными участниками вос-

стания оказались жители островов Сиар, Рагетта (оба острова входят в архипелаг Довольных людей), а также Били-Били.

Все островитяне говорят на близкородственных языках, относящихся к австронезийской языковой семье. Австронезийцы на Берегу Маклая являются своеобразной элитой, они расселены по прибрежным островам, а также в ряде крупных деревень на побережье, например Билиау (деревня Телята по терминологии Н. Н. Миклухо-Маклая). Именно на этих островах существовала традиция изготовления больших лодок, на которых местные жители совершали путешествия вдоль побережья и по рекам вглубь континента [15, 220]. Торговые путешествия носителей австронезийских языков являются одним из каналов распространения не только знаний и вещей, но и преданий. Как писал сам Н. Н. Миклухо-Маклай: «Люди этой деревни (Били-Били. – А. В., А. Т.) из поколения в поколение ежегодно по несколько раз совершают путешествия вдоль северо-восточного берега до деревни Телята» [5, 178].

Сейчас, после изучения ряда книг о Береге Маклая в австралийских библиотеках и документов Архива Объединенной лютеранской миссии, можно утверждать, что австронезийские народы сохраняют множество элементов культуры, возникших под влиянием деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая. В журнале «Советская этнография» за 1989 г. была опубликована статья австралийской исследовательницы Мэри Меннис, содержащая устные предания жителей Били-Били о нашем соотечественнике [3]. В работе «Горшечная история Маданга» она приводит дополнительные сведения. Например, во второй половине 1990-х гг. житель деревни Ябоб (в этой деревне также живут австронезийцы, она расположена на побережье между Мадангом и деревней Билбил) владел китайской лодкой, которая носила название «Арбуз». Это слово обозначает в ряде местных языков либо дыню, либо папайю и связано с деятельностью Н. Н. Миклухо-Маклая [15, 221]. Именно от жителей острова Били-Били было записано наиболее древнее предание о русском ученом. Оно было зафиксировано в 1904 г. немецким лингвистом Отто Демпвольфом от двух жителей острова Били-Били в Дар-эс-Саламе (в то время немецкая Танганьика), куда билибильцы прибыли для службы в колониальных военных частях [10, 257]. В русском переводе предание приводится в статье Н. А. Бутинова «Воспоминания папуасов

о Миклухо-Маклае по свидетельствам позднейших путешественников» [1, 749].

Таким образом, проведя день в Маданге, мы лишили себя возможности исследовать очень интересный пласт культуры местных жителей. Несомненно, что при организации полноценной экспедиции на Берег Маклая необходимо будет выделить достаточное количество времени для обследования островов Сиар, Рагетта, Били-Били, Кар-Кар и Багабаг. На последнем, кстати, личное имя Маклай до сих пор живо. Киним Силой, лютеранский пастор с этого острова, в интернет-переписке сообщил мне, что имя Маклай и сейчас, в начале XXI в., носит несколько человек с его острова.

Вместе с тем назвать эту поездку чисто туристической было бы тоже не совсем верно. Прибыв в Бонгу, мы столкнулись с тем, что нас воспринимали как обычных туристов, которым необходимо приготовить определенный тип еды, сводить к местным достопримечательностям, а за это получить денежное вознаграждение. Причем количество денежных средств у туриста воспринимается в абсолютно мифологическом ключе: если не бесконечность, то что-то близкое к этому. Задача же ученого заключается в том, чтобы максимально быстро сократить дистанцию между изучаемыми и изучающими. Мы прибыли в Бонгу, и Сет Багун, житель вемуну (клана) Горендук, школьный учитель и соответственно как знаток английского языка человек, отвечающий за развитие туризма в Бонгу, предложил нам два варианта оплаты местных услуг. Первый предполагал оплату всех услуг одновременно. Во втором случае мы должны были платить за каждую услугу непосредственно после ее оказания. Мы без колебаний приняли первый вариант. С одной стороны, мы могли распрощаться с нашими деньгами навсегда, с другой – мы попытались доступно объяснить, что отдаем все деньги, которые могли потратить, и тем самым хотя бы частично дистанцировались от образа туриста.

Как оказалось в дальнейшем, такая стратегия поведения была единственно верной. В последний день жители деревни подарили нам множество различных вещей. Среди них была сигнальная раковина – «тора», а также нож из кости казуара – «дзура сигхле сирау». Впрочем, не только единовременная оплата услуг превращает туриста в антрополога. В течение пяти дней, проведенных в Бонгу, мы один раз купались, притом что каждый день возвращались в дом Багуна затемно. Блуждание по деревне, раз-

говоры с разными людьми, бесконечные записи историй о Маклае, Ханке, Яли, советской экспедиции 1971 г., совместные ужины и обеды – все это частично сокращает дистанцию, которая отделяет нас от «других»...

Советские экспедиции 1971–1977 гг. и туристы 2000-х на Берегу Маклая

Предания о Н. Н. Миклухо-Маклае казались нам слишком важной темой, чтобы начать разговор непосредственно с них. Мы решили записать воспоминания о русских путешественниках второй половины XX – начала XXI вв., которые посетили Бонгу. Мы преимущественно общались с членами вемуну Горендук (отдельная деревня Горенду во времена Н. Н. Миклухо-Маклая). Язык Бонгу, на котором говорят и в вемуну Горендук, относится к папуасской языковой филе, ветви Маданг.

Непосредственно перед поездкой мы читали интернет-заметку путешественника Николая Баландинского «Острова кучерявых» об однодневном пребывании в Бонгу, во время которого русские путешественники посетили обелиск, поставленный на мысе Гарагасси, и побеседовали с потомком и тезкой легендарного Туя. Когда мы задали вопрос о туристах из России, то местные жители отвечали, что туристы из России бывают у них редко. Чаще приезжают австралийцы или японцы. Видимо, редкие однодневные визиты сливаются в непрерывную череду, а уникальные особенности быстро забываются.

Про визит советских ученых жители Бонгу помнили намного лучше. Хотя и здесь воспоминания представляли собой отрывочные эпизоды. Свою версию истории о русских ученых нам рассказал один из старейшин вемуну Горендук по имени Горефу. «Люди, которые приезжали, ходили группами: кто-то пошел в лес наблюдать бабочек, кто-то сидел в деревне, записывал что-то и задавал вопросы, кто-то ходил вокруг и собирал растения. Кто-то собирал изделия. Например, *лоб-лоб*, деревянные украшения, которые закрепляются вдоль руки от плеча до локтя, различные деревянные тарелки, бамбуковые флейты, перья для украшений, используемых во время *синг-синга*, плетеные сумки.

Люди, которые собирали все это, жили на корабле. Все, что они насобирали, они забрали на корабль. Те, которые жили в деревне, ели *гарен фуд* (по всей видимости, гхарен фуд – от слова «гхаре» – «европейский», букв.: «человек в обо-

лочке» на языке бонгу, и «фуд» – «еда» на английском. – А. В. А. Т.), *аян* (багат), *сень* (ямс), *мога* (бананы), *попо* (папайя), *джэп* (сахарный тростник). Они оставались здесь примерно месяц.

Когда они приехали, для них сделали *синг-синг*. Потом сделали большой праздник, который называется *мофор*. Все люди с корабля пришли поучаствовать в празднике и угощении. Все положили рыбу и угощение на тарелки и ели. Они сделали *монги гамба* (чашки из скорлупы кокосового ореха) и *каи* (ложки) из куска дерева. Они использовали их для того, чтобы есть. Тогда люди Бонгу не использовали ложки для еды.

Потом они пригласили людей Бонгу на корабль. Они пили с ними чай и русский ром, *ацтан* (водку). Им очень понравилось. Русских поехало очень много. Когда русские вышли на берег и познакомились со многими людьми, они стали друзьями. Всех друзей они пригласили на корабль».

По имени Горефу смог назвать только Ирину, по всей вероятности, Ирину Мануэловну Меликсетову, участницу первой (1971) и второй (1977) экспедиций в Бонгу [9, 310]. Горефу так описывал ее пребывание в Бонгу: «Ирина, когда пришла из леса, попросила женщин научить ее плести сумки. Она сама приготовила традиционную еду и раздала ее своим коллегам и людям Бонгу, которые были вокруг. Ирина начала делать сумку, но не успела ее доделать. Так и уехала».

Этот рассказ в настоящее время вряд ли стоит рассматривать как полноценный источник, его следует дополнить интервью с другими членами вемуну Горендук и жителями Бонгу. Вместе с тем нельзя не сделать два небольших замечания.

Во-первых, оба визита советских ученых слились в один. Ни Горефу, ни женщины вемуну Горендук, с которыми мы беседовали, ни Сет Багун, местный житель, который был приставлен к нам в качестве сопровождающего, не пытались разделять первый и второй визиты советских ученых. Точно так же Горефу, рассказывая предание о Н. Н. Миклухо-Маклае, говорил об одном визите ученого в Бонгу.

Во-вторых, в рассказе очевидны две тенденции. С одной стороны, утверждается, что «русские ученые» и «тамале бонгу» стали друзьями, а с другой – подчеркивается инаковость гостей. Гости сделали себе ложки и тарелки, в то время как люди Бонгу ими не пользовались, ели «гарен фуд», а не местную еду. А Ирина начала делать сумку, да так и недоделала. Противоречивость

таких историй приводит к тому, что исследователи реагируют на ее перформативную часть, где «утверждается» дружба. А для местных жителей гораздо более очевидны различия.

Возможно, именно для того, чтобы еще сильнее утвердить факт дружбы, папуасы рассказывают историю о том, что к ним приезжал «некий европеец», который был не настолько близок им, как их теперешний собеседник. Так, Д. Д. Тумаркин приводит следующий рассказ: «От Кони Хомате я узнал, что незадолго до нашего появления в Бонгу в этом районе собирал лингвистические материалы австралийский ученый П. Макларен. Он поселился в протестантской миссии, расположенной на холме в километре от Бонгу. Кони сказал: “Он жил отдельно от нас, не ел вместе с нами, а потому мы не рассказывали ему того, что рассказываем вам”» [7, 40].

В данном рассказе создается целая шкала близости к местной культуре, на которую помещается собеседник папуаса и «другой европеец», в данном случае П. Макларен. Близость к папуасам, в данном случае по месту временного проживания в деревне и совместной еде, трактуется как своего рода духовная близость, которая позволяет собирать более точную, важную информацию.

Примечательно, что во время нашего визита в Бонгу мы слышали очень схожую историю. Однако она имеет свою специфику. В ходе наших работ мы собирали информацию преимущественно о Н. Н. Миклухо-Маклае, о том, как его воспринимают местные жители: как божество или как человека, как европейца или как местного и т. д. Поэтому разговоры крутились о личности ученого и его месте в культуре папуасов Бонгу. История, которую нам рассказал Сет Багун, касалась миссионера Августа Ханке, который работал в Бонгу в конце XIX – начале XX вв.

История такова: «Ханке не жил с людьми Бонгу, он жил отдельно в миссии, которая была расположена там, где сейчас находится школа. Он ежедневно приходил в деревню, беседовал со стариками, дарил им рис и другую еду. Люди не считали его *аба* (братом, в расширительном значении – другом), но были благодарны за еду. Однажды старики посоветовались и решили подарить ему знание магии войны. Через несколько дней он уехал в Германию, а потом началась Первая мировая война. С тех пор Германия нападает на все страны, но люди Бонгу знают контрмагию, поэтому у немцев ничего не получается».

Эта история также подразумевает некую шкалу «близости к тамоле-бонгу». Есть европейцы, есть европейцы, которые долго живут рядом с бонгуанцами, и, наконец, есть те европейцы, которых признали братьями, – «аба». На этой шкале противопоставляются Н. Н. Миклухо-Маклай (как человек, о котором мы спрашиваем) и Август Ханке, который тоже жил в Бонгу, причем дольше, чем русский ученый, чьим именем названа бонгуанская школа. Вместе с тем он на шкале близости к местной культуре стоит намного дальше, чем Н. Н. Миклухо-Маклай. Что подтверждает и «объективирует» правдивость рассказов о последнем.

В качестве своеобразного прелиминарного вывода можно отметить, что истории о пребывании советских ученых в Бонгу не являются просто воспоминаниями современников об увиденном. Это важные мифологические тексты, которые расставляют приоритеты в этом мире, которые располагают людей «дальше» или «ближе» по отношению к локальной культуре.

«Русская тема», или Дискурс об этничности в культуре Бонгу

Чтобы подойти к этой сложной теме, будем отталкиваться от традиционной для маклаеведения темы «русских слов» в языке бонгу и окрестных языках. Появлением этой темы на страницах научных работ мы обязаны немецкому ученому, служащему Новогвинейской колониальной компании Отто Финшу. Этот человек прибыл на Берег Маклая в 1884 г. и сразу «вспомнил русский язык»: «Никогда бы мне не могло прийти в голову, что немногие русские слова, которые я выучил за время поездки в Сибирь, смогут пригодиться мне еще раз среди так называемых дикарей Новой Гвинеи. Но так случилось! “Глеба” (Chljeb = Brot), “тапорр” (Topor = Beil) “скирау” (Ssjekr = Axt), “ноша” (Nosh = Messer), постоянно повторяясь, звучали в речи папуасов. Впрочем, эти слова исчерпывали все знания русского языка. Как люди, которые жили в достатке, они требовали не хлеб, поскольку он едва ли пользовался спросом, а лишь железо. За все, даже за самые маленькие вещи, они хотели получить “тапорр” или “скирау”. За “ноша” они давали намного меньше, а прочие предметы, такие как зеркала, стеклянные бусы, кольца и тому подобное, интересовали только женщин и молодежь» [11, 62].

Эта история сама по себе – научная легенда. Из четырех названных слов только одно действи-

тельно постоянно использовалось (и используется сейчас!) в бонгуанском языке – это «топор», причем для обозначения металлических топоров фабричного производства. Остальные слова вызывают серьезные сомнения.

Во-первых, сам О. Финш не был большим знатоком русского языка: как он признается, русские слова он выучил во время путешествия по Сибири. Если в слове «топор» ошибок нет, то в словах «глеба» и «ноша» намного сложнее увидеть соответственно слова «хлеб» и «нож». А уж «сьекра», как транскрибирует его сам Финш, весьма отдаленно напоминает слово «секира».

Во-вторых, тот факт, что папуасы произносили слова, которые Финш считал русскими, не означал, что эти слова прочно вошли в бонгуанский лексикон и регулярно используются жителями Бонгу. Н. Н. Миклухо-Маклай так описывает свой опыт «языкового» общения с папуасами: «<...> у диких племен вообще есть обыкновение повторять ваши слова. Вы говорите, указывая на хороший предмет: “Казь”; туземец вторит вам: “Казь”, – и вы думаете, что он понял вас, а папуасы думают, что вы говорите на своем языке, и стараются запомнить, что вы такую-то вещь называете “казь”» [5, 148]. Опираясь на данные, полученные лингвистами в XX веке, можно однозначно утверждать, что слово «ноша» было неправильно услышано (выдумано?) О. Финшем, а слово «скирау» (а вовсе не «скирау») является местным словом, обозначающим нож. Итак, в сухом остатке от истории Финша остается лишь слово «топор», которое действительно прочно вошло в язык Бонгу [12, 211], а также Били-Били [10, 258] и, по всей видимости, Сиар-Пагетта [2, 88].

Однако тема «русских слов» на этом не заканчивается. Еще в конце XIX в. папуасы называли разные предметы словом «Маклай». Тот же самый Финш писал, что «плоды дыни и тыквы на Били-Били называли словом “Маклай”» [11, 51]. Его современник Гуго Цёллер сообщал, что в деревне Кадда, находящейся примерно в 12–15 километрах от Бонгу вверх по реке Габенау, «многочисленные плоды папайи местные жители называют словом, похожим на “маклай”» [18, 99]. Аналогичную ситуацию обнаруживает в 1982–1984 гг. доктор Кэрол Дженкинс, работавшая в районе деревни Амеле: «Он (Н. Н. Миклухо-Маклай. – А. В., А. Т.) ввел в культуру папуасов новые растения, такие как ананасы, тыквы, некоторые виды бобов и несколько видов папайи, до сих пор известной в Амеле под именем “Маклейлика”» [14, 182].

В середине XX в. на Берегу Маклая многие сельскохозяйственные культуры, которые были привнесены на Новую Гвинею европейцами, часто обозначались добавлением к местному названию слова «Маклай». Так, штурман советского судна «Витязь» В. О. Гурецкий познакомился в 1966 г. в Маданге с лютеранским священником Диком Хейтером, который сообщил ему, что к названиям культур, привезенных сюда Маклаем, папуасы прибавляли его имя. И вот сейчас мы узнаем, что названия многих местных овощей и фруктов до сих пор сохранили это имя, например, «Maslay cucumber», что значит «огурец Маклая» [2, 89]. Примечательно, что до сообщения Гурецкого «огурец» не упоминался ни одним ученым и ни одним сотрудником лютеранской миссии в качестве русского слова или культуры, привнесенной Н. Н. Миклухо-Маклаем.

Эта поразительная тенденция является чрезвычайно интересным объектом этнографического изучения: с каждым годом количество слов, к которым прибавлялось имя Маклая, росло. В 1970-е гг. Д. Д. Тумаркин зафиксировал в своих записях, что ко многим словам прибавляется имя ученого: «дыгли Маклай» (огурец), «валю Маклай» (тыква) [7, 41]. Другой участник этой экспедиции – фольклорист Б. Н. Путилов – указывал, что корову называют словосочетанием «бик Маклай» [6, 55].

В начале XXI в. все эти слова представлялись авторам сообщения как «русские». Так, Сет Багун, с которым мы много общались во время пребывания в Бонгу, на просьбу назвать «русские слова» ответил следующее: «Маклай дал людям семена дыни, фасоли, кукурузы, огурцов и тыквы. Эти растения мы называем русскими именами: “абрус” (дыня), “мокар” (фасоль), “гугруз” (кукуруза), “дыгли” (огурцы) и “уалю” (тыква)». Примечательно, что среди этих слов нет «топора» и «быка», которые хорошо известны местным жителям.

Со словом «топор» в начале XXI в. под влиянием приезжающих из России туристов происходит интересная трансформация. В первый день пребывания в Бонгу один из папуасов, предлагая вскрыть кокосовый орех, протянул одному из авторов этой работы – А. В. Туторскому – топор и сказал: «Схапор». В ответ на непонимание он добавил: «Схапор-тапор», – показывая равнозначность этих обозначений. Судя по всему, в настоящее время вследствие регулярных посещений деревни русскими туристами (по их сообщениям, не менее двух раз в год. –

А. В., А. Т.) папуасы вновь получили представление о правильном произношении русского слова «топор», вместе с тем в повседневном языке сохраняется форма «схапор», возникшая, по всей вероятности, под влиянием языка Били-Били. В этом языке слово «сапор» для обозначения топора было зафиксировано уже в начале XX в. О. Демпвольфом [10, 258]. Именно такая форма была отмечена Д. Д. Тумаркиным как преобладающая в 1970-е гг. в Бонгу [7, 41]. А в начале XXI в. началось обратное движение от «схапора» к «топору».

Из представлений о «русских словах» вырастает представление о «русскости» жителей Берега Маклая. Как сказал нам один из жителей: «У нас в языке есть русские слова. Мы даже немного понимаем, когда вы говорите по-русски».

Расширение «сферы русского» в культуре жителей Бонгу затронуло и название «Берег Маклая». Во второй половине XX в. это название было полностью вытеснено из официального языка и даже локальных разговорных практик названием «Рай-коуст» [8, 106]. Однако в начале XXI в. от Сета Багуна мы слышали такую этимологию этого названия: «Rai Coast» является сокращением от английских слов «Russian coast». Версия эта неверна исторически, поскольку название побережья «Рай» встречается в дневниках ученого. Вместе с тем такая версия происхождения названия хорошо соотносится с другими «русскими» аспектами бонгуанской мифологии.

Остается, впрочем, неясным, является ли эта «русификация» ряда феноменов местной культуры следствием взаимодействия с русскими исследователями или же эти процессы протекают автономно. Можно поставить вопрос таким образом: если дискурс «о русскости» в бонгуанской культуре формируется под влиянием приезжающих из России, как можно исследовать этот феномен, если ученый является одновременно наблюдателем и актором этих процессов?

В заключение этой темы следует отметить, что для самого понятия «Россия» большее значение имеет не географическая, а мифологическая или престижная составляющая. В одной из легенд о Н. Н. Миклухо-Маклае, рассказанной нам, была такая фраза: «После того как они (по всей вероятности, Н. Н. Миклухо-Маклай и Ульсон. – А. В., А. Т.) утопили человека, он (Маклай. – А. В., А. Т.) уехал в Россию и долго жил в Сиднее». Это говорит о многом. Ни одного из названий русских городов, включая Москву, местные жители не знают. Вместе с тем они активно называют известные им города Австралии «русскими»,

поскольку эта «русскость» важна для мифа, она подчеркивает связь с Маклаем.

Вместе с тем существует «этическое» восприятие России и русских как страны и народа, связанных с бонгуанцами особыми взаимными отношениями. Эта тема поднималась и во время визита советских ученых в 1970-е гг. Д. Д. Тумаркин приводит такой эпизод: «Мне пришлось отвечать на вопросы о нашей стране (численность населения, о главных городах, избирательной системе, климате, одежде, пище и т. д.). Сали (деревенский староста в 1977 г. – А. В., А. Т.) сказал: “Это хорошо, что люди из Руси посещают Бонгу. Маленького обелиска на мысе Гарагасси недостаточно. Нужно поставить достойный памятник Маклаю там, где стоял его домик”. А Абудзь (пастор деревни Бонгу. – А. В., А. Т.) под одобрительные возгласы других *тамо-боро* заявил: “Вам интересно посещать места, где жил Маклай, а нам интересно увидеть Русию, родину Маклая. Не только вы должны сюда приезжать, но и нам следует побывать в Русию”» [7, 41].

Схожие идеи о взаимных обязанностях Бонгу и России звучали в словах папуасов и во время нашего визита. В легенде Гасома Каму был такой эпизод: «После того как <...> он уехал в Россию <...> Туй хотел дать ему что-то, чтобы он помнил о своем *аба-даму* (слово “аба” обозначает “брат”, “даму” – “настоящий”); поскольку словом “аба” все мужчины называют людей примерно одного с ними возраста, то для обозначения более близких отношений – настоящего родства или дружбы, связывающей двух “аба”, – используется термин “аба-даму”. – А. В., А. Т.). Он дал ему магический *билум* (плетенная из волокнистых корней растений сумка, являющаяся вместилищем магической силы. – А. В., А. Т.), для того чтобы Маклай мог заниматься рыболовством. Он называется “аре джамбир” – это магический билум. “Это память обо мне, – сказал Туй, – твою аба-даму”». После завершения рассказа сын Гасома Каму – Бонем Гасом – подошел к нам и сказал: «Вы должны сказать своему правительству, что аба-горенду очень надеются на помощь аба-русс, ведь Туй подарил Маклаю очень важные магические знания. Вы тоже должны для нас что-то сделать».

Напоминание о взаимных обязательствах, включенности в некую сеть тотальных взаимных поставок – вот что подчеркивает легенда. Сторонами поставок выступают бонгуанцы и русские. Именно этот аспект восприятия России, на наш взгляд, является определяющим для термина «Россия» в его бонгуанском значении.

Легенды о Маклае и потомки Туя

Когда мы приступили к записи собственно легенд о нашем соотечественнике, оказалось, что не все жители Бонгу имеют право рассказывать о нем. Конечно, каждый может сказать несколько слов о Маклае, о его дарах, но полноценная легенда имеет собственника, и собственник этот является потомком того самого Туя, с которым общался Н. Н. Миклухо-Маклай во время своего первого визита в Новую Гвинею.

Как рассказал нам праправнук Туя Гасом Каму: «У Туя было три сына: Бонем рано умер, Лилай не женился, дети были только у Аселла, его звали Аселл Туй. Сыном Аселла был Тейиб Аселл, сыном Тейиба – Каму Тейиб». Сыном Каму является нынешний старейшина клана Горендук Гасом Каму.

По всей вероятности, общение с «белым человеком» очень сильно возвысило Туя и его потомков по отношению к другим членам вемуну Горендук. В легенде о Маклае Гасом Каму прямо говорит о том, что его предок – папуас Туй – был бигменом, специализировавшимся на рыболовстве: «Туй совершал магические обряды для того, чтобы привлечь рыбу к побережью и поймать ее. И в это время Туй увидел Маклая». Таким образом, в легенде говорится, что Туй имел высокое социальное положение еще до дружбы с Н. Н. Миклухо-Маклаем. Это доказывается тем, что он устроил праздник в честь своего выздоровления, на котором присутствовал Н. Н. Миклухо-Маклай [4, 169–171].

Однако в дальнейшем статус стал расти значительно быстрее. Уже упоминавшийся в данной работе А. Ханке так описывал Аселла, сына Туя: «Этот человек, жизнь которого прошла в тисках язычества и тяжких грехах, считался чрезвычайно могущественным. Он мог вызвать дождь, вызывать и прекращать ветер, и даже солнце замирало на небосводе по его слову» [13, 8]. Это описание кажется тем более поразительным, что его сделал миссионер и лютеранский священник. Скорее всего, он приводит эти слова, чтобы подчеркнуть значение собственной деятельности по обращению в христианство такого человека. По сути же описание является пересказом того, во что верили соплеменники Аселла. И нельзя не заметить, что авторитет этого человека чрезвычайно высок.

О Тейибе у нас, к сожалению, нет сведений. Однако о его сыне – правнуке Туя – Каму Тейибе подробно рассказывает Д. Д. Тумаркин. Имен-

но от «деревенского старосты Каму» в 1971 г. были записаны две длинные легенды о Маклае. В 1977 г. Каму оказался одним из наиболее состоятельных людей деревни. Д. Д. Тумаркин пишет: «В 1975 г. с помощью контролируемого властями Банка развития ПНГ бонгуанцы выкупили большую кокосовую плантацию Меламу, основанную на землях Новогвинейской компанией, а после Первой мировой войны проданную австралийской фирме “Коконатс продактс лимитед”. Формально плантация была передана кланам, владевшим землей до ее захвата колонизаторами. Но фактически большинством растущих там кокосовых пальм овладел бывший деревенский староста Каму» [7, 41].

Тумаркин пишет об этом процессе как о «пальмовой парцелляции, когда возникает частная собственность на значительные массивы имеющих товарное значение плодовых деревьев при формальном сохранении коллективной собственности на землю» [7, 45]. Сами же члены вемуну Горендук воспринимают этот процесс как восстановление старых традиций. Сет Багун так рассказывал об этом: «В 1979 г. старейшина рода – Гасом Каму – переселился на то место, где Горендук находился во время приезда Маклая. В 1992 г. весь клан Гумбу вернулся на свои земли. В прошлом эти люди переехали в Бонгу из-за болезней и стихийных бедствий. Люди Горендук и Гумбу переселились в Бонгу, когда пришли немцы и разбили плантации кокосов. Скоро весь Горендук переедет на свои земли. Когда вы приедете в следующий раз, деревню будет не узнать». Переезд и работа на Меламу воспринимаются как восстановление исторической справедливости, как своеобразное «возвращение к истокам», возврат к традициям.

Безусловно, в покупке Меламу и переезде туда жителей вемуну Горендук есть и элементы новых экономических процессов, но не следует забывать и о традиционалистской трактовке. Именно она является тем идеологическим двигателем, который вращает шестерни хозяйственной машины.

Нынешний староста клана Горендук – Гасом Каму – также пытается монетизировать легенду о Маклае. Он прекрасно понимает, что туристы готовы платить серьезные деньги за легенды, и старается, чтобы его легенды соответствовали ожиданиям туристов. Как мы упоминали выше в связи с рассказами о визите советских ученых в Бонгу, традиционные легенды нечувствительны к хронологии. Для них намного важнее логика

мифа или логика повествования. В рассказах советские ученые прибывали в Бонгу один раз. Точно так же в большинстве рассказов жителей Бонгу Маклай приезжал к ним лишь однажды.

Только в легенде Гасома Каму есть четкое разделение визитов ученого. Вот как староста описывает это: «После того как он прожил здесь несколько лет, он решил уехать в Россию. Кто-то умер на корабле. Тот, кто пришел вместе с ним. Его завернули в материю и затопили где-то между островами Джомба и Трака. Это было в 1884 г.» «В 1885 г. он снова вернулся в Горендук. Он увидел, что Джомба и Трака ушли под воду. Мысы разошлись, и он не узнал местность на карте. Ему пришлось переделывать карту. Во второй раз он привез корову на корабле». Понятно, что в этом рассказе множество исторических ошибок, но сам факт «историзации» предания очевиден. Например, третий визит состоялся не в 1885-м, а в 1883 г. А гибель матроса судна «Флауэр оф ярроу», который был обернут в материю и затоплен в море, произошла в 1877 г. Однако сама логика повествования – «это произошло в таком-то году, а это в таком-то году», – безусловно, свидетельствует о трансформации легенды под влиянием туристического спроса.

Во время записи «полной легенды» Гасом Каму держал в руках англоязычное издание книги Б. Н. Путилова [16]. Из него он брал «дополнительные материалы» для своих рассказов. Помимо книги Путилова он показывал нам также работу «История лютеранской церкви на Новой Гвинее», изданную на ток-писине [17]. О дополнении местных преданий материалами, полученными из радиопередач и научных книг, упоминал Д. Д. Тумаркин [9, 320], однако в настоящее время под влиянием туристов этот процесс принимает иные масштабы.

Наконец, последнее, о чем хотелось упомянуть в связи с потомками Туя, – о процессе возвеличивания самого Туя в легендах. Так, в легенде, рассказанной нам местным жителем Горефу, говорится: «Тогда он встретил Туя, это был его первый друг. Туй пришел (в деревню. – А. В., А. Т.) и сказал: “Это человек, как мы”». В другом месте того же рассказа вновь подчеркивается особая роль Туя: «Как только они познакомились, то стали называть друг друга *аба-даму* – настоящий брат. И все люди Бонгу называли Маклая *аба-даму*. Когда он стал их братом, они решили дать ему жену. Маклай не хотел жениться. Он спал на земле со снятыми ботинками. Это был знак, что он не хочет жениться. Тогда, поскольку он не за-

хотел жениться на женщине, они захотели убить его. Но Туй сказал: “Не убивайте его!” И они его не убили. Туй взял Маклая, и они ходили вокруг деревни, чтобы показать, что они друзья. Они были в Горенду, Гумбу и Бонгу. Их жители поняли, что они друзья. Когда Туй походил с Маклаем по деревням, люди стали знать Маклая. Они знали его, но не гуляли вместе с ним. Только Туй ходил вместе с ним».

В «полной легенде» Гасома Каму есть аналогичные эпизоды: «Когда Маклай всех позвал – все убежали, но Туй остался и постарался поговорить. Сначала он побегал, но потом вернулся и взял у Маклая рис, соль и табак. Маклай насыпал соль на руку, попробовал ее и позвал Туя сделать то же самое. Туй был весьма напуган, но подошел и попробовал ее. Когда он попробовал, он позвал всех людей попробовать соль». Туй в легенде, как и Гасом Каму в настоящее время, выступает медиатором между миром европейцев и локальным культурным миром жителей Бонгу. Он берет на себя все трудности первых контактов с «непонятными» людьми. Таким образом, легенда и здесь является своеобразной формой или, скорее, языком властных отношений. Апеллирование к правременам помогает потомкам Туя подтверждать свой статус и свою особую роль в настоящее время.

В данной работе авторы затронули лишь немногие темы, связанные с современной культурой селения Бонгу. Эти темы могут получить дальнейшее развитие в случае организации длительных полевых исследований на Берегу Маклая.

Такие исследования, на наш взгляд, чрезвычайно важны по целому ряду причин. Во-первых, они продолжают традиции маклаеведения в отечественной науке. Во-вторых, к русским ученым на Берегу Маклая – особое отношение. Это то, что выше в тексте мы называли этическим пониманием слова «Россия»: к людям из России относятся как к далеким знакомым, забытым родственникам или потенциальным друзьям. Оно может стать основой для научного и культурного взаимодействия местных жителей и этнографов, что в условиях коммерциализации полевых исследований чрезвычайно важно. В-третьих, научное наследие Н. Н. Миклухо-Маклая является ключом к пониманию процессов, связанных с политическим использованием исторической памяти и исторических нарративов, которые происходят в настоящее время в Папуа – Новой Гвинее. Знание истории «первого контакта» – хотя очевидно, что этот термин условен, – взаимоотношений с колониальной администрацией после отъезда ученого позволяет провести это исследование на высоком профессиональном уровне.

Библиография:

1. Бутинов Н. А. Воспоминания папуасов о Миклухо-Маклае по свидетельствам позднейших путешественников // Н. Н. Миклухо-Маклай. Полное собрание сочинений. Т. II. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 739–750.
2. Гурецкий В. О. По следам Миклухо-Маклая // Природа. 1969. № 3. С. 80–89.
3. Меннис М. На острове Били-Били (По следам Миклухо-Маклая) // Советская этнография. 1989. № 5. С. 117–123.
4. Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений в шести томах. Т. I. М.: Наука, 1990.
5. Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений в шести томах. Т. II. М.: Наука, 1993.
6. Путилов Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М.: Наука, 1981. 213 с.
7. Тумаркин Д. Д. По следам «тамо русс» (Советские ученые в Бонгу) // На берегу Маклая. М.: Наука, 1975. С. 26–49.
8. Тумаркин Д. Д. К истории топонима Берег Маклая // Советская этнография. 1984. № 5. С. 102–106.
9. Тумаркин Д. Д. За морем телушка – полушка, да рубль перевоз (о двух этнографических экспедициях на острова Океании) // Антропология академической жизни: традиции и инновации. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 285–324.
10. Dempwolff O. Beiträge zur Kenntnis der Sprache von Bilibili // Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin. Jg. XII. Abt. I. Berlin, 1909. S. 257–258.
11. Finsch O. Samoafahrten. Reisen in Kaiser Wilhelmsland und Englisch Neuguinea in den Jahren 1884–1885 an Bord des deutschen Dampfers «Samoa». Leipzig, 1888.
12. Hanke A. Grammatik und Vokabularium der Bongu-Sprache (Astrolabebai, Kaiser-Wilhelmsland). Berlin: Druck und Kommissionsverlag von Georg Reimer, 1909. 659 S.
13. Hanke A. Die letzten Halbjahrsberichte aus Neu-Guinea vor dem Krieg // Berrichte der Rheinische Missionsgesellschaft. 1915. № 1. S. 7–10.
14. Jenkins C. The Amele and Dr. Braun: A History of Early Experience with Western Medicine in Papua New Guinea // Frankel S., Lewis G., eds. A Continuing Trial of Treatment. Medical Pluralism in Papua New Guinea. Springer Netherlands, Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 181–198.
15. Mennis M. The potted history of Madang. Traditional culture and Change on the North Coast of PNG. Brisbane: Lalong Enterprises, 2006. 326 p.
16. Putilov B. N. Nikolai Miklouho-Maclay: traveller, scientist and humanist. Moscow, Progress, 1982. 239 p.
17. Renck G. Histori bilong luteran sios bilong Papua-Nugini. N/p, n/d.

18. Zöllner H. Deutsch Neuguinea und meine Ersteigung des Finisterre-Gebirges. Union Dt. Verlag-Gesellschaft, Stuttgart, Berlin, Leipzig, 1891.

References (transliterated):

1. Butinov N. A. Vospominaniya papuasov o Miklukho-Maklae po svidetel'stvam pozdneishikh puteshestvennikov // N. N. Miklukho-Maklai. Polnoe sobranie sochinenii. T. II. M.–L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. S. 739–750.
2. Guretskii V. O. Po sledam Miklukho-Maklaya // Priroda. 1969. № 3. S. 80–89.
3. Mennis M. Na ostrove Bili-Bili (Po sledam Miklukho-Maklaya) // Sovetskaya etnografiya. 1989. № 5. S. 117–123.
4. Miklukho-Maklai N. N. Sobranie sochinenii v shesti tomakh. T. I. M.: Nauka, 1990.
5. Miklukho-Maklai N. N. Sobranie sochinenii v shesti tomakh. T. II. M.: Nauka, 1993.
6. Putilov B. N. Nikolai Nikolaevich Miklukho-Maklai. Stranitsy biografii. M.: Nauka, 1981. 213 s.
7. Tumarkin D. D. Po sledam «tamo russ» (Sovetskie uchenye v Bongu) // Na beregu Maklaya. M.: Nauka, 1975. C. 26–49.
8. Tumarkin D. D. K istorii toponima Bereg Maklaya // Sovetskaya etnografiya. 1984. № 5. S. 102–106.
9. Tumarkin D. D. Za morem telushka – polushka, da rubl' perevoz (o dvukh etnograficheskikh ekspeditsiyakh na ostrova Okeanii) // Antropologiya akademicheskoi zhizni: traditsii i innovatsii. M.: IEA RAN, 2013. S. 285–324.
10. Dempwolff O. Beiträge zur Kenntnis der Sprache von Bilibili // Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin. Jg. XII. Abt. I. Berlin, 1909. S. 257–258.
11. Finsch O. Samoafahrten. Reisen in Kaiser Wilhelmsland und, Englisch Neuguinea in den Jahren 1884–1885 an Bord des deutschen Dampfers «Samoa». Leipzig, 1888.
12. Hanke A. Grammatik und Vokabularium der Bongu-Sprache (Astrolabebai, Kaiser-Wilhelmsland). Berlin: Druck und Kommissionsverlag von Georg Reimer, 1909. 659 S.
13. Hanke A. Die letzten Halbjahrsberichte aus Neu-Guinea vor dem Krieg // Berichte der Rheinische Missionsgesellschaft. 1915. № 1. S. 7–10.
14. Jenkins C. The Amele and Dr. Braun: A History of Early Experience with Western Medicine in Papua New Guinea // Frankel S., Lewis G., eds. A Continuing Trial of Treatment. Medical Pluralism in Papua New Guinea. Springer Netherlands, Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 181–198.
15. Mennis M. The potted history of Madang. Traditional culture and Change on the North Coast of PNG. Brisbane: Lalong Enterprises, 2006. 326 p.
16. Putilov B. N. Nikolai Miklouho-Maclay: traveller, scientist and humanist. Moscow, Progress, 1982. 239 p.
17. Renck G. Histori bilong luteran sios bilong Papua-Nugini. N/p, n/d.
18. Zöllner H. Deutsch Neuguinea und meine Ersteigung des Finisterre-Gebirges. Union Dt. Verlag-Gesellschaft, Stuttgart, Berlin, Leipzig, 1891.